

Е. А. Киндлер

Екатеринбург, Россия

Афористическая манера письма в философском тексте

Аннотация. Приводится краткое сопоставительное прочтение философских текстов А. Шопенгауэра, Г. В. Ф. Гегеля, Ф. Ницше, А. Камю, Л. Шестова, В. В. Розанова. Отмечается, что А. Шопенгауэр первым в немецкой философии придал философскому произведению эстетическую значимость. В его философии ведущее значение имеет целостная концепция, а не отдельная мысль. У Ф. Ницше афоризмы – это отражение «потока сознания». Ницше задает в афоризме возможность поливариантного понимания, среди выразительных средств главная роль отводится метафоре и риторическому вопросу. Идеи Ф. Ницше, его уникальный и парадоксальный стиль нашли последователей в России, прежде всего в лице русских философов начала XX в. Л. Шестова и В. В. Розанова.

Ключевые слова: немецкая философия; русская философия; философские произведения; культурологические концепции; интерпретация.

E.A. Kindler

Ekaterinburg, Russia

Aphoristic Manner of Writing in a Philosophical Text

Abstract. The article presents a short comparative overview of philosophical texts by A. Schopenhauer, G.W.F. Hegel, A. Nietzsche, A. Camus, L. Shestov, V.V. Rozanov. It is stated that it was A. Schopenhauer who introduced aesthetic significance to philosophical text. In his works the leading role is given to the whole conception and not to a separate thought. According to A. Nietzsche aphorism is a reflection of a “stream of consciousness”. Nietzsche creates in an aphorism possibility of multivariate understanding, and the leading role is given to metaphors and rhetoric questions. Ideas of A. Nietzsche, his unique and paradox style found followers in Russia, among them are L. Shestov and V.V. Ro-

zapov.

Key words: German philosophy; Russian philosophy; philosophical works; culturological conceptions; interpretation.

Изучение в лингвокультурологии переводов философских работ способствует пониманию культурных контекстов, а также открывает возможность дискурсивного и сопоставительного прочтения. На примере текстов А.Шопенгауэра, Г.В.Ф.Гегеля, Ф.Ницше, А.Камю, Л.Шестова, В.В.Розанова нам бы хотелось обосновать данное положение.

В разговоре о форме произведений немецкого философа Ф.Ницше невольно вспоминаются его слова о выдающейся цитате, способной отменить целые книги. Если содержание произведений сформировало своеобразную эпоху философствующего духа, которую лишь на основании формальных признаков можно отнести к определённому направлению, то их язык открыл, по мнению О.Шпенглера, новую эпоху филологии. Афористическую манеру философ перенимает у своего «воспитателя» А.Шопенгауэра, однако он образует особого рода поэтику, которой не существовало ранее и которая не была воспроизведена в дальнейшем. А.Шопенгауэр первым в немецкой философии стал использовать данную форму, придал философскому произведению эстетическую значимость, выразив совокупность взглядов на определённые проблемы языком изящной прозы, столь непохожим на вычурный научный стиль Г.В.Ф.Гегеля. Его философия явилась противопоставлением философии Г.В.Ф.Гегеля как на содержательном уровне – непознаваемость Воли и самораскрытие Абсолютной идеи – так и на уровне эстетическом. Но в философии А.Шопенгауэра ведущее значение имеет целостная концепция, а не отдельная, пусть даже обладающая огромной силой, мысль. Мысль, заключённая в афоризм, не самодостаточна – она является звеном в раскрытии ведущих идей творчества, которые при желании могут быть прочитаны вне контекста психологии мыслителя и вне контекста оригинальности его стиля. Иной случай представляет собой Ф.Ницше. Афоризмы Ф.Ницше есть отражение так называемого «потока сознания»; центром философствования становится не метафизическая система,

как у А.Шопенгауэра, а сама интенция на постижение истины. Философия Ф.Ницше является чрезвычайно открытой к интерпретации в отличие от философии А.Шопенгауэра, которая не выходит за пределы своей безукоризненной внутренней логики. Как верно отмечает Р.Дж. Холлингдейл относительно работы «Мир как Воля и представление»: «Это единственная мысль, которую нельзя развить, можно лишь совершенствовать, и сам Шопенгауэр отработал её до последней точки, не оставив ученикам ничего, кроме как возможности согласиться»². Ф.Ницше задаёт в афоризме возможность поливариантного понимания. Среди выразительных средств метафора и риторический вопрос занимают ведущие места. Данная особенность стиля всегда свидетельствует о том, что писатель больше стремится не к обоснованию несомненной правильности собственной позиции, а к установлению диалога с читателем. Мысль философа становится для читателя отправной точкой построения собственного рассуждения. Проведённый в рамках проблем данной работы психолингвистический эксперимент со студентами УрГПУ позволяет судить о том, что ницшевская метафора порождает множество различных ассоциаций, а ответы на риторический вопрос совершенно непохожи друг на друга. В частности, знаменитая метафора «яблочная кожица под раскалённым хаосом» трактовалась и интерпретировалась каждым по-своему:

«Культура – «яблочная кожица», потому что очень тонка, во-первых, а, во-вторых, скрывает эмоции и внутреннее содержание дел и мыслей людей, как яблочная кожица скрывает яблочную мякоть. Так же, как кожура предохраняет яблоко от порчи, культура не даёт в полной мере выплеснуться негативным эмоциям и поступкам, защищая таким образом духовное состояние человечества».

«Культура сдерживает яростный напор диких иррациональных сил, объясняя их в искусстве».

² Холлингдейл Р.Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души – М, 2004., с. 105.

«Культура всегда противопоставлена цивилизации: она под гнётом, не всегда понимаема, подчас беззащитна из-за своего обособленного положения.

Культура оберегает душу, заставляя индивида быть действительно человеком, а не просто винтиком в механизме цивилизации».

Количество примеров легко может быть умножено. Интерпретация мыслей Ф.Ницше становится весьма проблематичной. Здесь гораздо легче ошибиться, чем быть уверенным в своей правоте. Произведения Ф.Ницше по тому, как они зачастую воспринимаются, может быть уникальны в своём роде. Они могут вводить в самообман, и неподготовленному читателю кажется всё понятным в них: никаких загадок, никакой внутренней противоречивости. В результате основания культурологической концепции Ф.Ницше не то что совсем не воспринимаются, а понимаются поверхностно-прямолинейно. По отношению к интерпретациям, данным студентами, этого, на наш взгляд, утверждать нельзя. Однако стоит отметить, что творчество Ф.Ницше ранее было ими изучено, поэтому в процессе толкования участники эксперимента опирались на полученное представление. Интерпретации репрезентируют три важнейшие темы произведений немецкого философа: защитная функция культуры, аполлоновское начало в культуре, цивилизация как символ вырождения культуры.

Уникальный и парадоксальный стиль Ф.Ницше вызвал в начале XX-го века творческую и жгучую полемику в России, во многом определил поэтику символистов, а также нашёл последователей – Л.Шестова и В.В.Розанова. Ф.Ницше стал кумиром для Л.Шестова, который в своём творчестве не только продолжает идеи немецкого философа, но и стремится воспроизвести его манеру письма. Однако стилевая система русского экзистенциалиста представляет собой иной феномен, нежели манера письма Ф.Ницше. Ведущим здесь становится супертекстовая единица. Ключ к раскрытию, различению супертекстовых единиц, которые заложены в совокупности, на первый взгляд, разрозненных афоризмов, у Л.Шестова нужно искать в культурно-историческом образе-символе, являющемся лейтмотивом всей книги (Достаточно вспомнить образ Христовых мук в его эссе «Гефсиманская

ночь»). Для творчества Л.Шестова, как и для всей экзистенциальной поэтики, характерно наличие мифологемы, которая становится семантическим ядром текста (например, Сизиф у А.Камю).

Стилистические параллели в творчестве Ф.Ницше и В.Розанова существуют вместе с параллелями тематическими. Необычным представляется тот факт, что В.Розанов был удостоен звания «русского Ницше» – автор столь многочисленных уничижительных и уничтожающих высказываний о немецком философе. Мыслители близки в круге избранных проблем, однако расходятся в их решениях. Антихристианские мотивы творчества В.Розанова – шокировавшие общественность своей дерзостью и ставшие причиной конфискации книг писателя и его исключения из религиозно-философского общества Д.Мережковского, в сущности не являются идентичными мотивам Ф.Ницше. Богоборчество у Ф.Ницше произрастает из отрицания морали *decadence*, в концепции В.Розанова – из проблем, связанных с полом. В.Розанов и Ф.Ницше сближаются в отрицании христианства в его академическом смысле, перенося вопросы религии в сферу вопросов внутреннего переживания человека, его экзистенциального опыта. Однако очевидно расхождение в том, какое содержание вкладывается ими в понятия цели человеческого существования, цели религиозного поиска. Ф.Ницше, воспитанный на идеалах античности, остаётся язычником до конца. Этими целями в его концепции становятся самосозидание личности, её творческое самопреодоление, ведущее в итоге к преодолению смерти. В.Розанов говорит о наличии как языческого, так и христианского начала в каждой личности, а в последних произведениях, проникнутых ужасом перед осознанием приближающейся смерти, раскаивается в своём безбожии.

Выделение параллелей в стиле двух этих философов должно начинаться с выделения внутренней основы этого стиля. Сравнение стиля как совокупности изобразительно-выразительных средств, если и возможно, то не совсем корректно в силу различия культурных традиций и языка. Ско-

рее, здесь и подходит гениальное определение В.Розанова: «Стиль есть душа вещей»³. В понимании произведений В.Розанова и Ф.Ницше невольно оказывается необходимым вчувствование в их особый и тонкий душевный мир. Обнажённая душа, не смущающаяся своей наготы, частые переходы от собственно философствования к лирике, делают родственными стили обоих писателей. Они словно и не заботятся о читателе⁴, а остаются один на один со своим одиночеством и именно ему отрывают самое сокровенное. Об этом говорят уже названия произведений: у Ф.Ницше – «Человек наедине с собой» («Человеческое, слишком человеческое»), «Мыслитель наедине с самим собой» («Злая мудрость»), у В.Розанова – «Уединённое». Между тем очевидны и значительные различия. Если Ф.Ницше стремится структурировать свои мысли, обозначить разделы, то В.Розанов сознательно избегает такой практики. Мысль Ф.Ницше, хотя и открыта к интерпретации, является гениальной по своей законченности. Опять-таки вспомним слова о выдающихся цитатах, которые в равной степени можно отнести к нему самому. В.Розанов фиксирует, как сам признаётся, «полумысли», «полувздохи»; очень часты в его книгах незавершённая, многоточия.

В целом проблемам афористического письма посвящены многочисленные критические работы, однако данная тема продолжает оставаться достаточно перспективной для лингвокультурологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Камю А. Миф о Сизифе. – М., 1999.
2. Ницше Ф. Эссе Homo // Сборник. – М., 1997. – С. 322-471.

³ Розанов В.В. Опавшие листья // Религия и культура. – М., 2001. - С. 528

⁴ «Ах, добрый читатель, я уже давно пишу «без читателя», - просто потому, что нравится» (Розанов В.В. Уединённое // Религия и культура. – М., 2001. – С.163)

3. Ницше Ф. По ту сторону Добра и Зла // Ницше Ф. Собрание сочинений : в 2 т., т.2. – М., 1996.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. – СПб, 2000.
5. Розанов В.В. Опавшие листья // Религия и культура. – М.,2000.
6. Холлингдейл Р.Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души. – М., 2004.
7. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф.Ницше // Ницше: pro et contra. – СПб., 2001. – С. 335-438.
8. Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Ницше: pro et contra. – СПб., 2001. – С. 438-586.
9. Шестов Л. Гефсиманская ночь. – М., 2000.
10. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – Мн.,1999.
11. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. – т. 2. – М., 2001.

© Киндлер Е.А., 2008